

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Болтушки
Часть II

В предыдущей лекции мы закончили говорить о том, что язык как человеческий феномен является универсальным. И в качестве первого аргумента доказательства, что язык является инстинктом, Пинкер приводит именно это качество – универсальность. Он говорит о том, что могут быть примитивные средства производства, примитивные формы потребления, но нет примитивного языка. Все языки являются сложноорганизованными системами, достаточными для того, чтобы каждый индивид мог адекватно отражать свое отношение к окружающему миру. Это главное.

Из этого Пинкер приводит аргумент, который для кого-то будет приятным, а для кого-то – нет. Это аргумент об уровнях языка. Пинкер делает переход к диалектам языка. И в американском, и в британском английском, и в русском языке есть стереотип о том, что есть высокий язык и есть низкий (диалектный) язык.

Этого явления, кстати, практически нет в казахском языке. Он появляется только сейчас. Но в середине XX века, когда началось глубоко научное европейское исследование казахского языка, не просто как одного из тюркских языков, а именно его лексики и фразеологии, был сделан вывод о том, что в казахском языке нет нелитературного языка. То есть, казахский язык – это высокий литературный язык. И этот литературный язык используется и простым чабаном, и акыном, и поэтом, и прозаиками XX века. То есть, мастерами владения слова.

Интересно, что эти самые слова функционируют и в речи простых людей, людей без высшего образования, занимающихся физическим трудом. Но в последнее время я наблюдаю, что появляется так называемый «жалпақ тілі», разговорный, нелитературный язык. Это язык, обладающий высокой степенью острых замечаний, язык, построенный на метафорах и ассоциациях. Это ведь как раз говорит о богатстве языка и о высоком языковом чутье говорящего, будь он торговцем на базаре или профессором академии.

Пинкер говорит о том, что, хотя и существуют какие-то слои общества, которые обладают своей лексикой, своими особым манерами говорить, это не должно являться поводом для высокомерного отношения к этим людям. Он приводит аргументы лингвиста Макса Вайнрайха: «Язык – это диалект, имеющий армию и флот». То есть, в одном языке существуют два (и больше) подразделения, которые обеспечивают его полноценное функционирование.

Эта тема очень близка нашей казахстанской действительности и нынешнему положению с казахским языком. Пинкер говорит, что люди пользуются языком, не задумываясь о том, правильно ли они говорят. Они говорят, как птицы летают или рыбы плавают. Это же естественно. Мало кто задумывается о нормах языка. И вроде бы никто не следит за чистотой речи, но, на самом деле, считает Пинкер, невидимый для говорящего языковой механизм находится под контролем. За ним очень пристально следят сами говорящие. Даже если люди не находятся под контролем учителя, они естественным образом говорят в рамках механизмов принятой внутри микросоциума речи, по совершенно четким правилам их социальной страты.

Это действительно так. Когда кто-то начинает говорить с ошибками (даже на «неправильном» диалекте), его всегда поправят. И это для Пинкера является удивительным фактом. Он говорит о том, что язык как грамматическая система существует довольно автономного. Вопрос только в том, как передается система.

В своей книге он приводит множество примеров функционирования различных диалектов. Тут интересен такой факт из истории США. Одно время считалось, что афроамериканцы обладают настолько низким уровнем культуры, что говорят на каком-то ущербном английском языке. И что эти люди неспособны освоить высокую речь. Когда эту проблему пытались решить на уровне департамента образования, провели исследование, которое установило, что внутри сообществ диалектный язык афроамериканцев очень богат и по-своему правилен. Внутри этой группы существуют правила.

Вильямс Ларри, ученый, который осуществил это исследование, приводит пример, оказавший серьезное влияние на всю политическую жизнь Соединенных Штатов Америки в области расовой дискриминации.

Ученый записал разговор с двумя афроамериканскими подростками. Они рассуждали, попадет ли душа в рай. И подростки говорили: «Никакого рая не существует, потому что нет рая для черных». Ученый попросил объяснить эту точку зрения. И один из парней ответил, что нигде никогда не говорили о том, то Бог – черный. А если Бог белый, то и рай только для белых. Это очень глубокая мысль и довольно справедливая.

Может быть, именно это исследование повлияло на знаменитое интервью всемирно известного боксера Мухаммеда Али, когда он сказал: «Тут что-то не так. Кофе черный». Намекая на то, что все хорошее – белое. Он почувствовал эти стереотипы в языке. И, безусловно, деятельность Али оказала серьезное влияние на изменение общественного мнения жителей Соединенных Штатов Америки.

Но если мы сделаем мостик в казахстанскую действительность, конечно, это вопрос о том, как функционирует сейчас казахский язык двуязычной среде. Я имею ввиду то, что мы называем «чистым казахским языком» и «шала-казахским языком». В замечательной передаче «Кызык радиосы» наши КВНщики обыгрывают эту тему. У них есть серия очень смешных скетчей на тему шала-казахского языка. Мы повсеместно – на улицах, в магазинах, в транспорте – слышим эту смесь, которая уже не является ни русским, ни казахским языком. И это, к сожалению, происходит уже за пределами Алматы.

Тут очень серьезные, глубокие в области казахстанской филологии и социолингвистики. Это весьма благодатная тема. Ведь внутри казахского языка существуют диалекты, но это региональные диалекты. Мы знаем о том, что в разных регионах некоторые вещи называют по-своему. Допустим, мы называем лук – жуа, а в каких-то районах он называется – сарымсак. Хотя у нас, в Жетысу сарымсак – это чеснок.

Но это не пиджин, это диалекты языка, которые связаны с региональным фактором. То есть, это более-менее замкнутые системы сферы общения. Но шала-казахский язык, конечно, подвергается неоправданным деформациям. И здесь нужно продумывать серьезную научную программу, которая должна получить государственную поддержку. Слишком много заимствований, слишком мало примеров правильного языка. И слишком низкая требовательность к языку, к правильной языковой среде, которая должна сопутствовать и обеспечивать функционирование грамматики.

Пинкер затрагивает проблему диалектов, лексикологии. Интересно, что сама грамматическая структура диалектов меньше подвержена диалектизмам. В казахском языке правильный порядок слов, серьезным фактором, который ведет к деформации казахского языка, является эстрада. Это эстрадная песня, которая идет вслед за чужой музыкой. Традиционная казахская музыка мелодична, она создана под строй казахского языка. Любой мелос, музыкальная культура народа совершенно адекватна тонической структуре языка.

Что происходит сейчас в музыкальной культуре Казахстана? Берутся музыкальные заимствования из других культур. Эти мелодии созданы совершенно с другим тоническим рисунком. А мы на них пытаемся писать казахский текст. Приводит такое творчество к обретению порядка слов, который для казахского языка нехарактерен. А ведь это закрепляется в речи и становится нормой. И это серьезная проблема, на которую мне хотелось бы обратить внимание слушателей. Пожалуй, есть лишь два музыкальных явления в нашей культуре, которые создают современную казахскую музыку, не деформируя тонический строй казахского языка. Это Толкын Забирова и группа «Уркер».

Пинкер делает вывод, что универсальность языка необязательно приводит к тезису о врожденности инстинктов, как ночь необязательно приводит к новому дню. Но для того чтобы убедить нас в существовании языкового инстинкта, он приводит новый факт. Сложно-организованный язык универсален, потому что дети фактически вновь и вновь изобретают его, поколение за поколением. И делают они это не потому, что их учат, а потому что они не могут не делать этого. Это ключевая фраза в аргументации Пинкера.

То есть, мы изучаем универсальную грамматику не только потому, что нам это нужно, не только потому, что мы так умны и гениальны с самого начала. Дети об этом никогда не задумываются. Они просто изобретают язык заново, потому что они не могут этого не делать.

Здесь Пинкер отсылает нас к истории возникновения языков. Он приводит реальный факт из рабовладельческой истории Соединенных Штатов Америки. Рабы из Африки, которые работали на плантациях в Америке, создавали свой язык, так называемый «пиджин инглиш». Это происходило потому, что рабовладельцы, опасаясь сговора среди рабов, специально устраивали «вавилонское столпотворение». Они составляли рабочие, состоящие из рабов, привезенных из разных регионов, чтобы они не могли говорить на родных языках. Рабы были вынуждены осваивать тот язык, на котором с ними говорил надсмотрщик. Они понимали только

его язык, но не понимали языки друг друга. И это был исковерканный, деформированный английский, «пиджин инглиш». Так вот, если первое поколение рабов осваивало английский язык в искаженном виде, с трудом объясняясь на нем, то второе поколение, дети этих рабов дополняли этот язык грамматическими конструкциями. И свободно им пользовались. Пинкер приводит факт, что «пиджин инглиш» во втором поколении был гораздо более совершенен, чем язык первого поколения рабов. А язык в третьем поколении был уже настолько устойчивым, что ему даже было дано особое название – афроамериканский английский.

Это первый аргумент Пинкера. Грамматическая структура совершенно нового, незнакомого языка создается детьми. И передается ими из поколения в поколение. Таким образом, Пинкер делает серьезный шаг к ответу на вопрос, как возникает язык. Следующий пример, который он приводит для подтверждения этого, касается того, как учат языку глухонемых. Здесь он приводит массу примеров, которые стоит прочесть. Это факты исследований, которые проводились по государственному заказу.

Если языку жестов обучали детей в подростковом возрасте, они осваивали его очень плохо, с заметными искажениями и с минимальными грамматическими формами.

Тут интересные сопоставления. Глухие и немые дети, которые рождались в семьях со слышащими и говорящими родителями, осваивают язык жестов совершенно иначе, чем те глухонемые дети, что растут вместе с глухонемыми родителями. Между ними серьезная разница. Но главное в другом, в том, что грамматические нормы и грамматическую структуру, которыми не владели слышащие и говорящие родители, дети опять-таки дополняют самостоятельно. Учителя давали им эти сложные конструкции в самом общем виде, но общаясь между собой на языке жестов, дети обогащали этот бедный язык новыми нюансами, новыми грамматическими формами, которые позволяют передавать эмоциональные тонкости. Передавать оттенки, уточнять, локализовать. И все это они делают играючи. Это серьезный аргумент.

Дальше Пинкер делает вывод о том, что язык создается детьми в каком-то определенном возрасте. Это идея не нова. Она принадлежит выдающемуся швейцарскому психологу Жану Пиаже.

Еще в начале XX века он писал о так называемом сеситивном периоде освоения языка. О том, что дети максимально готовы усваивать язык в возрасте от 0 до 6 лет. А Пинкер говорит о том, что дети не усваивают язык в этом возрасте, они его изобретают. Именно в этом возрасте, по его мнению, максимально раскрывается языковой инстинкт. В подростковом возрасте и дальше его уровень заметно ниже. Взрослые эмигранты, например, постоянно тяготеют своим акцентом и бросающимися в глаза ошибками.

Поскольку глухие – это единственные психически полноценные люди, которые дожили до взрослых лет, не усвоив какого-либо языка, их сложности предоставляют прекрасное свидетельство того, что для успешного освоения языка нужно использовать возможности именно того отрезка жизни, которым является детство.

Мне бы хотелось обратить на это внимание казахстанской аудитории. Если вы не разговариваете с ребенком с младенчества, если он не слышит казахскую речь с раннего детства, никакие гены не помогут ему в полной мере освоить родной язык.